

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

р. 1778 † 1842 г.

Первое писаніе В. Н. Каразина къ императору Александру I-му.

22 марта 1801 года *).

Настоящій документъ, весьма обязательно сообщенный, вмѣстѣ съ прочими бумагами В. Н. Каразина—его сыномъ Филадельфомъ Васильевичемъ, печатанъ съ копій, списанной собственною рукою В. Н. для адмирала А. С. Шишкова, въ 1812 году. Всѣ подстрочныя замѣчанія сдѣланы имъ, В. Н., тогда же. На верху первой страницы этой копій слѣдующая надпись, позднѣйшаго уже его почерка:

«*Pia desideria*,— такъ назвалъ блаженной памяти государю, въ 1806 г. покойный Николай Михайловичъ Карамзинъ сію бумагу». Род.

Какимъ прекраснымъ днемъ началось твое царствованіе! Казалось намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣтила тебя...**) Александръ

*) См. «Русскую Старину» изд. 1870 г. т. II, стр. 307 и 532; изд. 1871 г. т. III, стр. 16 и 326.

**) Случилось, что 11-го марта 1801 года въ Петербургѣ былъ самый непріятный зимній день; сквозь туманъ въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. 12-го, напротивъ, погода сдѣлалась тихая, теплая и ясная, какъ будто весна вдругъ наступила. (Всѣ обманулись!... Авторъ на ряду со всѣми...).

Примѣч. 1812 г. В. Б.

любимецъ сердець нашихъ! десятый день уже освѣщаетъ весеннее солнце твоихъ, надеждами исполненныхъ подданныхъ, и день ото дня, часъ отъ часу ты болѣе оправдываешь сія надежды. Какая лестная будущность ожидаетъ насъ!...

Въ сіе время всеобщаго восторга, кто пощадилъ бы жизнь свою на защищеніе твое? Но ты въ немъ не имѣешь нужды... Прости-жъ, если, искавъ принести тебѣ дань, я дерзновенною рукою начертаю нѣкоторыя истины, я, удаленный отъ двора твоего и упованія награды, одинъ изъ безвѣстнѣйшихъ россіянъ. Прости, прости меня за неважную сію жертву, но жертву сердечную; прійми ея засвидѣтельствованіемъ довѣренности къ твоимъ добродѣтелямъ, знакомъ истинной подданнической любви. Безъ сомнѣнія все, что я ни скажу тебѣ, болѣе или менѣе впечатлѣно уже въ твоей благородной душѣ, или извѣстно въ сонмѣ мужей мудрыхъ, которыми ты окружаешь себя. Но эта мысль не могла меня удержать повергнуть лепту вдовы въ сокровищницу, такъ точно какъ самое блистательное понятіе о славѣ твоей никогда не удержитъ меня отъ рвенія распространять ее, во всякомъ для меня приступномъ кругу, моею хвалою...

Государь! Ты царствуешь надъ сорокью милліонами человѣкъ искони пріобыкшихъ безпредѣльно чтить власть, въ которой они не могутъ представить себѣ блаженства. Одного взора ихъ царей часто довольно, чтобъ разлить повсемѣстную радость, и, конечно, одного велѣнія, чтобъ устроить счастье, какимъ только можетъ человѣкъ наслаждаться на землѣ...

Имперія, которая своимъ называть тебя будетъ, — не обыкновенное государство. Ей нѣтъ подобной не только въ нынѣшнемъ состояніи Европы и прочихъ частей свѣта, но, можетъ быть, и въ лѣтописяхъ вѣковъ прошедшихъ. Она заключаетъ въ себѣ десять климатовъ, обитаемыхъ народамъ большею частію одинаго языка и единой вѣры. Она отъ сѣвера до юга и отъ запада къ востоку изобилуетъ въ количествѣ и родѣ безчисленными благами, замѣняющими себя взаимно, которыя даютъ возможность поставить всѣ ея сношенія съ чужими странами въ совершенной независимости. Она имѣетъ

и пространнѣйшія земли для воздѣлыванія *) большою частію ей одной свойственныхъ произведеній, и надежныя руки сыновъ своихъ для искусственнаго ихъ обработыванія **). Посему, богатства ея, не на случайныхъ причинахъ, но на природѣ основанныя, должны возрастать съ самимъ временемъ. Она представляетъ, такъ сказать, подобіе рудника, открытаго при поверхности земли, котораго изобиліе постепенно обнаруживается по мѣрѣ его углубленія. Она изобилуетъ рѣками, которыя изъ средины ея изливаясь въ пять морей, ожидаютъ только попечительной руки правительства, чтобъ соединить ихъ всѣхъ, чтобы сообщать рудоудія Европы — Азіи, и азіатскія богатства Европѣ кратчайшими путями. Она граничитъ въ наибольшей части съ Ледовитымъ Океаномъ, или странами столько же неприступными какъ и онъ; въ остальной же части имѣетъ сосѣдей привывшихъ почитать русское могущество***). Что могу сказать тебѣ, государь, новаго о гражданскихъ добродѣтеляхъ твоего народа, который среди временъ грубѣйшаго невѣжества обращалъ уже на себя вниманіе? народа, въ нынѣшнемъ состояніи нравственнаго міра, едва ли не менѣе всѣхъ прочихъ народовъ поврежденнаго?... Напомню только одну изъ этихъ добродѣтелей, обезпечивающую неизблемость отечества. Пожертвованіе жизни за него, всегда и вездѣ почитаемо было достойнымъ вѣчныхъ похвалъ; но сіе жертвованіе, безъ всякихъ видовъ славы, утѣшительницы умирающихъ героевъ, сіе великое самоотреченіе, свойственно рѣдкимъ лишь душамъ; и російскіе ратники способны къ нему болѣе всѣхъ древнихъ и новыхъ вояковъ. Рѣшительный военачальникъ идетъ на смерть: я почитаю его; но вижу, что слава, которая изъ-за предѣловъ гроба простираетъ къ нему свой лавръ, наполняетъ его воображеніе удивленіемъ соотечественниковъ и потомства, — что сія слава смягчаетъ ужасы смерти. Честолюбіе,

*) Воздѣлыванія — лѣтомъ.

Примѣч. 1812 г. В. К.

***) Обработыванія — зимою. Мысль якобы въ Россіи не должно быть мануфактуръ, несправедлива по причинѣ долготы зимъ нашихъ. Впрочемъ, все имѣетъ свои границы, какъ ниже и сказано.

Примѣч. 1812 г. В. К.

***) Увы! Это было въ 1801 году!

Примѣч. 1812 г. В. К.

желаніе приобрѣсть блестящее отличіе упоеть его. Самая необходимость дѣйствовать соотвѣтственно званію, въ которому онъ принадлежитъ, влечетъ его впередъ. Но простой солдатъ, который не мечтаетъ о лаврахъ, не имѣетъ предразсудковъ благородства, заставляющихъ отличатся, не ожидаетъ награды; солдатъ, котораго участь не пережѣняется послѣ двадцати выигранныхъ сраженій, и который, не думая о свидѣтеляхъ, о потомствѣ, объ исторіи, умираетъ весь, у котораго священный долгъ есть единое побужденіе, — для меня прямо великій герой! Таковъ російскій солдатъ, и такихъ имѣешь ты сотни тысячъ!...*)).

Время образовало человѣческую премудрость; время, усовершенствовавъ все, предуготовляетъ законодателю способъ быть благотворителемъ челоуѣчества. Еслибъ Екатерина, еслибъ Маркъ-Аврелій самъ жили въ желѣзномъ вѣкѣ царствованія Ивана Васильевича, когда вся Европа покрыта еще была тьмою суевѣрія, подавляема своеволіемъ феодализма, — много-ли бы они могли сдѣлать въ пользу своихъ подданныхъ? Предположивъ, что они изъ собственнаго сердца, созданнаго для блага челоуѣковъ, изъ собственнаго всеобъемлющаго разума извлекли бы законы; предположивъ, что они нашли бы возможность въ одно время и сильно дѣйствовать и глубоко размышлять, пронизать,

*) Я желаю, чтобъ меня уличили, если тутъ сказано что-нибудь несправедливое, или натянутое. Не касаясь до нпшшняго времени, а небоуъ свидѣтельствуюсь, что точно таковы были солдаты Екатерины, Румянцова, Суворова. Я умышленно говорилъ со многими изъ нихъ, и удостовѣрился, что начала ими управлявшія, совсѣмъ иныя, нежели страхъ наказаній, жадность къ корысти, или изувѣрство, какъ сіе, по словамъ чужестранцевъ, подозрѣвать бы можно! Прилично здѣсь вспомнить анекдотъ — единственный: «Не мы въ отвѣтъ!» *Voilà du sublime, s'il en fut jamais!*... 1812 г. В. К.

Авторъ намекаетъ на анекдотъ, случившійся во время Бородинскаго сраженія: одинъ молодой солдатъ, въ полку, который подвергся сильному непріятельскому огню, сказалъ унтеръ-офицеру: «чтожъ мы стоимъ, вѣдъ всѣхъ перебьютъ, пойдемъ впередъ!» унтеръ-офицеръ, зная что они воставлены по распоряженію старшихъ, съ тѣмъ чтобъ не трогаться съ мѣста, отвѣчалъ: «молчи! стой! когда велѣно стоять; перебьютъ, такъ перебьютъ, не мы въ отвѣтъ!»

Ред.

безъ всякихъ предварительныхъ познаній, въ составъ общества, въ сердца людей; — гдѣ взяли бы они достойныхъ исполнителей своего плана? Ни люди, ни средства для образованія общественнаго не были еще произведены. Въ наши дни, государь, наука законодательства вмѣстѣ съ прочими науками, вмѣстѣ съ общими успѣхами разума необходимо усовершенная, представить тебѣ въ твореніяхъ величайшихъ умовъ тысячу новыхъ идей, которыя, объаты бмѣвъ благодѣтельнымъ твоимъ духомъ, искушены, подобно какъ золото искушается огнемъ, религиозностію твоихъ чувствованій, могутъ положиться въ основаніе счастья россиянъ. Велика заслуга мудреца многотрудно открывающаго истину; но тотъ кто силу, данную ему отъ небесъ, обратитъ на дѣйствительныя приложенія сей истины, — достоинъ алтарей! Онъ Богъ, собирающій носимые бесполезно по воздуху пары въ благотворный дождь, который даетъ плодоносіе долинамъ и воды рѣкамъ орошающимъ ихъ. Ежели земные владыки могутъ назваться подобіемъ великаго, непостижимаго Существа, создавшаго миллионы міровъ, то конечно тогда только, когда они подражаютъ его благодѣтельности...

Возри напоследокъ на нынѣшнее состояніе Европы. Могло-ль быть когда-либо время способнѣе для возведенія твоей „Россіи на верхъ славы и блаженства“, исходство обѣщанія твоего? Притязанія и виды всѣхъ державъ такъ разнообразны, такъ противоположены другъ другу, что ты никогда не можешь быть въ необходимости поднять оружіе, если самъ будешь имѣть миролюбивыя намѣренія; если суетныя хвалы умовъ праздныхъ (такъ-называемая слава завоевателей) никогда отъ тебя не удостоится быть взвѣшиваемы на ряду съ благословеніями тысячей и темъ человѣковъ, которыхъ судьба отъ тебя зависитъ. Французскій переворотъ, столь гибельный самъ по себѣ, пожегавшій толико правленій, не только не сдѣлалъ вреда Россіи, въ которую его начала не могли и вѣчно уже не могутъ *) проникнуть, но принесъ ей еще ощутительную выгоду отвративши, во-первыхъ, завистливое вниманіе державъ въ самое критическое для нея время; и потомъ, новымъ расположеніемъ связей ихъ, уволивши нашъ дворъ отъ не-

*) По крайней мѣрѣ это по нынѣ еще совершенно зависитъ отъ нашего правительства.

обходимости пристать къ той или другой сторонѣ, которая обѣ теперь, почтяя соучастіе наше рѣшительнымъ, должны наперерывъ искать нашего благорасположенія. Россія вышла, чрезъ неожиданное это стеченіе обстоятельствъ изъ всегдашней (со времени Петра Великаго) скрытой войны со всѣми европейскими державами. Самую молодость ея, которая еще чрезъ цѣлое столѣтіе не могла-бы быть забыта, революція навсегда изгладила изъ памяти.

Въ семъ состояніи дѣлъ, внутренніе и внѣшніе долги государства твоего не важны, судя по великости источниковъ твоихъ доходовъ, кои не расточены еще столько, чтобъ простымъ отмѣненіемъ нѣкоторыхъ предположенныхъ издержекъ, не можно было вывести казну въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ всякаго затрудненія*).

Таковы средства, государь, которыя ты имѣешь быть великимъ, счастливѣйшимъ монархомъ, среди счастливѣйшаго народа на земли..

Ноцію, проходя мимо чертоговъ твоихъ, я представлялъ себѣ сію картину благословеннаго твоего политическаго положенія, и размышлялъ, каковы будутъ пути твои?

. **).

Безъ сомнѣнія нашъ Александръ, другъ людей, вѣдаетъ, что довѣренность къ правительству, утверждаемая извѣстностію непрѣмѣнныхъ его началъ, одна рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою; что она есть жизнь промысловъ, мать общественныхъ добродѣтелей, и источникъ благоденствія.

Съ довѣренностію къ правительству на одной степени поставитъ онъ вѣру къ правосудію. Безъ нихъ обѣихъ почтенныя слова: гражданинъ, отечество — суть пустые звуки на языкѣ отечественномъ!

Онъ презритъ новыхъ лжеполитиковъ, утверждающихъ, яко бы частныя неправды не обращаются обществу во вредъ; яко бы для государства „все равно, какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ

*) Все это было въ 1801 году.

**) Здѣсь пропускъ въ 54 строки.

Примѣч. 1812 г. В. К.

Ред.

въ руки“ *). Предоставивъ весь судъ избраннымъ изъ народа, онъ удалить ихъ отъ соблазновъ, не законами, безгласными по необходимости, но доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія, содержанія соразмѣрнаго ихъ безкорыстію и поревнованію объ общей пользѣ**). На сей же конецъ подчинить онъ судей общественному мнѣнію***). Оно всегда было болѣе безпристрастно, болѣе неумолимо, нежели высшія инстанціи, не рѣдко движимыя одинаковыми же началами на вѣщшее посрамленіе законовъ!...

Онъ положить единожды навсегда твердое основаніе государственному достоянію; изочтетъ богатства своихъ обширныхъ владѣній; опредѣлитъ возможности и повинности подданныхъ по неподвижному размѣру, измѣненіямъ отъ прилива и отлива изобразительныхъ знаковъ богатства неподверженному****), и скажетъ: „симъ обязаны вы взаимно состоянію къ состоянію, симъ обязаны относительно къ государственной сокровищницѣ; симъ напоследокъ располагаетъ лице государя“. Тогда однѣ чрезвычайныя-всею мудростію человѣческой непредвидимыя нужды государства останутся неопредѣленными: но на удовлетвореніе ихъ готовы коренныя, такъ сказать утробныя его силы, которыя съ покоемъ неопредѣленно же возрастаютъ*****).

*) Увы! я лично слышалъ таковыя заключенія въ послѣдствіи времени (именно отъ Н. и С. (отъ Новосильцева и Сперанскаго) Примѣч. 1812 г. В. К.

**) Самое простое средство для сего было бы, я думаю, учрежденіе сбора съ отыскиваемаго имѣнія. Разумѣется, что оно предварительно должно быть оцѣнено истцомъ съ посредствомъ правительства. Сборъ сей, на примѣръ, десятая часть цѣны, поступитъ въ одну кассу со всѣхъ губерній. И изъ сей кассы судьи могли бы получать не только достаточное жалованье, но и награжденія, которыя ежегодно, по приговору общества губернскихъ, могли бы быть опредѣляемы и т. д. Примѣч. 1812 г. В. К.

***) Судъ при дверяхъ открытыхъ, право тяжущимся публиковать опредѣленія, было бы однимъ изъ надежнѣйшихъ огражденій правосудія. У насъ всѣ неправды совершаются такъ, что публика о нихъ не вѣдаетъ.

Примѣч. въ іюнѣ 1812 г. В. К.

****) Мысль эта, о неподвижномъ размѣрѣ повинностей, пояснена авторомъ въ письмѣ къ губернатору И. И. Вахтуну 1810 г., помѣщенномъ нами въ «Русской Старинѣ» т. III, изд. 1871 г. стр. 342. Ред.

*****) Здѣсь и далѣе нѣсколькими строками излагаю я, въ сокращеніи, систему о государственныхъ финансахъ, которую предполагалъ обработать ва

Не поводы къ новымъ налогамъ велить онъ изобрѣтать для безконечнаго умноженія мнимыхъ доходовъ *); но съ благоволеніемъ приметъ тѣ мѣры, кои клонятся будутъ къ уменьшенію издержекъ. И симъ вѣрнѣйшимъ путемъ, сопровождаемый благословіями гражданъ трудящихся въ потѣ лица, достигнетъ онъ до постояннаго избытка государственнаго**), которымъ ни одна держава похвалиться еще не могла.

Онъ ограничить особливо издержки, которыя не служатъ къ пользѣ имперіи и не возвышаютъ на самомъ дѣлѣ блеска вѣнца его; уменьшить дворъ свой; изженеть изъ него толпы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достояніе имперіи имъ принадлежитъ и что они преимущественное имѣютъ право на милости государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близъ его особы.

Онъ ограничить суетную любозательность: сіе желаніе украшать улицы и площади столицъ, когда все прочее государство представляетъ еще безкровныя хижины. Не искусства призоветъ онъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ; но въ премудрости своихъ учрежденій и въ любви народной найдетъ ихъ: онѣ несокрушаемы временемъ и не одно удивленіе празднаго любопытства возбуждаютъ, но почтеніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Самыя искусства не будетъ онъ покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертоговъ своихъ, съ условіемъ, чтобъ они платили ему лестію; но дѣйствительно ободритъ ихъ, умноживъ общее благосостояніе и разрѣшивъ узы ума и талантовъ.

Вообще онъ будетъ дорожить произведеніемъ кроваваго пота поданныхъ, посвященнымъ на пользу общую; и моральное изящество будетъ первѣйшимъ его предметомъ ***).

Не удостоитъ онъ занять себя подробностями, и изживать на мелочи драгоценное время, въ которое едва-едва вмѣститься могутъ всеобщія попеченія владѣтеля пространнѣйшей имперіи въ свѣтѣ. Онъ взоромъ будетъ обнимать цѣлыя массы, дастъ правильное движеніе главнѣйшимъ колесамъ государственнаго состава, — и всѣ прочія потекутъ правильно!

Какъ совершеннѣйшіе законы останутся бесполезными въ на-

началахъ новыхъ, Россіи свойственныхъ. Вообще эта бумага есть какъ бы извлеченіе цѣлой книги, которую можно бы написать... еслибъ того потребовали.

Примѣч. 1812 г. В. К.

*) Что эти доходы мнимы только, удобно доказать. Примѣч. 1812 г. В. К.

**) Balance permanente en faveur de la trésorerie de l'Etat.

Примѣч. 1812 г. В. К.

***) Не физическое!

Примѣч. 1812 г. В. К.

*

родѣ развращенномъ, и чуждыми смысла въ народѣ невѣждѣ; то, безъ сомнѣнія, обратитъ онъ всю свою внимательность на воспитаніе своихъ подданныхъ, соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго. Верховное попеченіе объ этомъ предоставитъ онъ сословію блюстителяю законовъ, а оно будетъ дѣйствовать посредствомъ людей, имѣющихъ надъ народомъ наиболѣе нравственной силы. Духовенство употребится на просвѣщеніе народа, и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія предоставляются не тѣмъ изъ проповѣдниковъ слова Божія, которые съ поэтическимъ восторгомъ станутъ величать государя въ городскихъ храмахъ; но тѣмъ, которые докажутъ опытами влияніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ; тѣмъ, которые, учредивъ училища, недѣлностно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлять должностямъ челоуѣка и гражданина.

Такимъ образомъ, не жезъ денно-нощно властію подъятый заставитъ исполнять законы; но, гораздо дѣйствительнѣе, собственное удостовѣреніе каждаго въ ихъ пользѣ. Такимъ образомъ законы будутъ охраняемы нравами, и нравы — законами.

Съ другой стороны еще подѣйствуетъ онъ на нравственность состояній называемыхъ послѣдними. Онъ обезпечитъ права челоуѣчества въ помѣщичьихъ крестьянахъ: введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости. И сіе не закономъ, могущимъ опасно поколебать нынѣшнія общественныя связи, но постепенностію обычая, который бы укрѣпилъ оныя болѣе*). Простѣйшимъ поселянамъ предоставитъ онъ средства вкушать иногда, въ воздаяніе трудовъ своихъ, сладость жизни не прибѣгая къ своеволю, питьямъ чувства оглушающимъ и другимъ побужденіямъ разврата, иногда отчаянія и неключимаго рабства.

Земледѣліе распространится подъ кроткіемъ его скипетромъ. Онъ заселитъ мало по малу пространныя степи Россіи, не насильно исторгая семейства изъ домовъ ихъ и переселяя скоропостижно за цѣлыя тысячи верстъ, въ страны по одной своей безвѣстности уже страшныя для нихъ, и дѣйствительно смертоносныя по чрезвычайному различію климатовъ; но изъ сосѣдственныхъ, населеннѣйшихъ мѣстъ вызывая и ободряя наградами и льготою.

*) Это для опыта ввелъ я въ имѣніи моемъ съ давняго времени и до сихъ поръ, какъ хозяинъ, не имѣю причинъ раскаиваться. Система моя весьма отлична отъ извѣстной графа Стройновскаго. Примѣч. 1812 в. к.

Безводные, но впрочемъ тучные края благословенныхъ климатовъ, будутъ онѣ умѣть содѣлать обитаемыми, и превратить въ цвѣтушіе сады, проводя каналы изъ сосѣдственныхъ рѣкъ, обращая въ пользу пространнаго озера, или одѣвая исподоволь отлогости горъ лѣсомъ. Неужели однѣ только пресыщенные столицы имѣютъ право на подобныя сими издержки правительства? Неужели не обязано оно готовить жилища будущимъ родамъ, и.... убѣжища тѣмъ, которые отъ Запада, вѣроятно, придутъ нѣкогда исхвать у насъ отечества *)?

Не толпы алчущихъ чиновниковъ поставитъ онъ на стражѣ у лѣсовъ, сего украшенія земли и сокровищницы водъ; но благоразумнымъ распредѣленіемъ въ собственность, сохранить ихъ для государства. Дикія только степи и непроходимые лѣса могутъ быть поимѣстемъ казны; но должны содѣлаться собственностію частныхъ людей, какъ скоро они досягаемы для трудолюбія. Горе правительствамъ, которыхъ учрежденія служатъ только къ соблазну, не искоряя зла въ самыхъ его основаніяхъ...

Онъ назначитъ торжественныя награды для поселянъ, кои отличаются или рѣдкими примѣрами благонравія, или трудолюбіемъ, изобрѣтеніемъ, или введеніемъ новыхъ предметовъ земледѣлія, или промышленности. О семъ и подобномъ тому предоставитъ онъ судить не мѣстнымъ начальникамъ, удобно развлекаемымъ пристрастіемъ, или скуднымъ государственными соображеніями: но устроить временныя путешествія по имперіи особъ, исполненныхъ познаніями въ обзорѣваемой части, и достойныхъ представлять собственное его око. Самъ онъ нрѣдко оставитъ единообразіе дворской жизни, чтобы на дѣлѣ видѣть и слышать: и управленіе Богомъ вѣреннаго ему, прекраснаго пространнѣйшаго царства, не заключить въ тѣсныя предѣлы работъ надъ подносимыми ему бумагами.

Руководлія возбуждать онъ станетъ не самовластнымъ внезапнымъ запрещеніемъ ввоза иностранныхъ произведеній (можно согласить отечественную пользу съ миролюбіемъ къ чужимъ народамъ!); но привилегіями, данными мануфактурамъ и фабрикамъ, и въ особенности снятіемъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя. Впрочемъ Россія можетъ, безъ малѣйшей для себя невыгоды, великодушно уступить многія вѣтви промышленности и руководлія народамъ скуднымъ землею. Ей ли, изобилующей существенными богатствами, присвоить ненасытимо всѣ источники существованія?.. желать самой все обрабатывать, когда она несравненно дешевле можетъ

*) Эта мысль основана на понятіи о Россіи въ 1801 году, на очевидныхъ послѣдствіяхъ французскаго переворота въ Европѣ и на предположеніи, что Россія не станетъ виѣшиваться въ европейскія дѣла. Увы!

имѣть наемниковъ себѣ внѣ предѣловъ своихъ? Дожоги мы измѣрять себя будемъ мѣрилами чуждыми и подражать младенчески!..

Внутренняя торговля, усилясь отъ успѣховъ хлѣбопашества и рудоудѣлій, въ теченіе немногихъ лѣтъ, сама собою, безъ всякихъ насильственныхъ пріемовъ возвыситъ внѣшнюю въ нашу пользу. Великимъ и примѣрами распространяемые благонравіе и любовь ко всему отечественному послужатъ также къ уменьшенію надобностей въ заграничныхъ произведеніяхъ. Цѣна російскихъ существенныхъ богатствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣна изобразительныхъ,—возрастетъ неминуемо.

Для внутренней и внѣшней торговли, для совершенія великаго подвига законодательства, онъ, конечно, потщится сохранить миръ съ державами. Онъ употребитъ на сіе счастливыя средства, представляемая ему теперь Провидѣніемъ, которое явно простираетъ къ Россіи милующую десницу. Ему, безъ сомнѣнія, предоставлено начертать смѣлый планъ постоянной политики, свойственный російской министеріи и одной ей принадлежащій. — Не имѣеть-ли онъ надежнѣйшихъ способовъ содержать всѣ двory въ почтеніи къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону? Находить-ли по нынѣшнему положенію своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины, или выгоды входить въ раздоры ихъ? Населеніе Россіи, въ цвѣтѣ еще находящейся, таково-ли чтобъ жертвовать людьми безъ крайнѣйшей необходимости?.. О, какая участь! обращать на себя признательные взоры любви и уваженія всѣхъ народовъ; быть извѣстнымъ со стороны безпредѣльнаго могущества, — и благодворить!... Если Всевышній мерзить челоуѣубійствомъ и другими гнусными слѣдствіями войны; если ему угодно, чтобы когда-либо существовала истинно-христіанская держава, то сей предметъ удобнѣ всего въ Россіи, и въ царствованіе Александрово.

Въ счастливое сіе время, вооруженная сила не останется безплодною. Напротивъ, тогда-то будетъ она выполнять истинный свой предметъ: охраненіе общаго спокойствія. Въ ожиданіи, пока безумный какой-либо врагъ дѣйствительно покусится бы на него, найдутся средства занять миллионъ здоровыхъ, сильныхъ рукъ, ежегодно стоящихъ болѣе трети государственныхъ доходовъ, не заставляя ихъ лить кровь въ странахъ и дѣлахъ чужихъ... Прежде всего оградить онъ западные предѣлы имперіи своей удвоеннымъ забраломъ крѣпостей: да кажутся онѣ сосѣдямъ страшными рядами зубовъ покоющагося льва. Потомъ, по примѣру римлянъ, которые выше всего ставя воинское ремесло, не сомнѣвались однакожь производить воинами общественныя работы, строить славные свои водоводы и свои дороги; по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государей, кои въ по-

вѣйшія времена предпринимали такіе же опыты, и въ числѣ ихъ самаго основателя сей столицы, обезпечившаго продовольствіе ея Ладожскимъ каналомъ, станеть онъ употреблять, по очереди, часть мощныхъ нашихъ ратниковъ, съ младенчества приобыкшихъ къ повиновенію и трудамъ, на государственныя работы. Нѣкоторая прибавка къ обыкновенному, ихъ жалованью возбудитъ ихъ дѣятельность; и какъ много существенно полезнаго окажется въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ! откроются повсюду водяныя и сухопутныя сообщенія, рѣки сдѣлаются судоходными, болота преврататся въ плодородныя долины... Между тѣмъ и границы имперіи не останутся безъ защищенія, и русская сила будетъ всегда въ виду и въ понятіи у неприятелей.

Онъ соединитъ война съ поселяниномъ, и поселянина съ прочими состояніями союзомъ взаимной пользы*), ощущеніе которой, братолюбіе и подданническая обязанность, будутъ одно и то же чувство подъ тремя различными только видами.

Онъ... но могу ли я обнять высокое предназначеніе Всевышняго; могу ли представить себѣ, исчислить всѣ дѣянія, которыхъ сѣмя лежатъ въ его челоуѣлюбовивомъ сердцѣ?...

Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительствамъ чтобъ они были: царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ, съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ: онъ имѣлъ ихъ. Петръ желалъ видѣть насъ подражателями иностранцамъ: къ несчастію мы съ излишествомъ такими стали. Премудрая Екатерина начала образовывать россиянъ. Александръ довершитъ великое сіе дѣло. Наслаждаяся нѣкогда плодами своей юности, онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ; и слава его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ!...

Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ принимаетъ затверженныя восклицанія поэзін, которая безстыдно привиравливаетъ ихъ ко всѣмъ царямъ, увѣряя каждаго, что онъ лучше своего предшественника: я смѣлъ начертать сіи мысли.

О ты, котораго обожаетъ мое сердце! не отвергни сію дань его, въ простотѣ и съ безкорыстнѣйшими чувствованіями тебѣ приносящую. Государь! въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей, вѣчной преданности. Геній-благодетель любезнаго моего отечества!

*) Въ вышней европейской системѣ это совершенно на изворотъ.

Примѣч. 1812 г. В. К.

Примѣчаніе В. Н. Каразина 1812 г. «Бумага сія была безъ подписанія. Государю угодно было немедленно, по прочтеніи ея, поручить графу Палену и Дмитрію Пр. Троицкому отыскать виновника. 11-го апрѣля (1801 г.) послѣдній, по нѣкоторымъ догадкамъ, призвавъ меня къ себѣ, требовалъ, чтобъ я отерпѣлъ ему истину. Я признался: и вотъ источникъ личнаго благоволенія ко мнѣ его величества, которое я разстроилъ моими неосторожностями, съ помощію, можетъ быть, моихъ недоброжелателей. Можетъ быть, я теперь присовокупляю, ибо стою уже на сороковомъ году жизни. Тогда я обвинялъ интригу.

Я потому только препровождаю къ вашему превосходительству сіе для насъ неважное сочиненіе, что оно въ себѣ содержитъ все почти мое политическое вѣроисповѣданіе, отъ котораго я нисколько не отступилъ во мнѣ; какъ то вы изъ послѣдующаго, послѣдняго моего письма къ Е. В. увидите *). Впрочемъ очевидна крайняя поспѣшность, съ которою я писалъ. И дѣло идетъ отнюдь не о слогѣ».

На рожденіе Якова Николаевича Бедряги.

13 іюля 1821 г.

Да будешь, малютка, какъ папа безстрашенъ,
 Пусть пламень гусара пылаетъ въ крови;
 Какъ маменька—доброй душою украшенъ
 И общей достоянъ любви.
 Но что я желаю—любовность, отвага
 И пылкость души молодой
 Уже въ колыбели, малютка, съ тобой,
 Безъ нихъ—не родится Бедряга.

Е. Рыльцевъ.

Примѣчаніе. Стихотвореніе написано Рыльцевымъ на рожденіе сына его друга Бедряги, славнаго ветерана 1812 г.,—въ имѣніи послѣдняго, сельѣ Подгорномъ, Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи. Записаны стихи со словъ самаго Я. Н. Бедряги,—М. А. Веневитиновымъ, которому мы весьма признательны за сообщеніе ихъ, вмѣстѣ съ другими, весьма интересными матеріалами.

Ред.

*) Съ боку приписано позже, рукою В. Н. К.: «было послано А. С. Шишкову изъ Харькова, 14-го іюня 1812; но не дошло по тогдашнимъ обстоятельствамъ, а возвратилось уже въ январѣ 1813-го».

Ред.